

она прислала ему свой портретъ. Однимъ словомъ, онъ всѣми силами старался понравиться своей новой супругѣ и ни одна женщина, даже сама Жозефина, не занимала его сердца такъ, какъ Марія-Луиза.

Однажды, когда онъ былъ въ гостиной вмѣстѣ съ Мюратомъ, Королевой Гортензіей и племянницей ея, Принцессой Стефаніей, Принцессѣ вздумалось спросить его въ насмѣшку, умѣетъ ли онъ вальсировать?

— Я взялъ только одинъ урокъ, отвѣчалъ Наполеонъ, нѣсколько удивленный этимъ вопросомъ; я не могу вальсировать: послѣ двухъ или трехъ круговъ мнѣ дѣлается дурно....

— Очень жаль, Государь, что вы не вальсируете: я думаю, что Императрица, какъ и всѣ Нѣмки, страстно любить вальсъ. Не имѣя права танцовать съ другими кавалерами, она будетъ скучать.

— Ахъ, Боже мой! вы говорите правду, Стефанія; мнѣ непременно должно выучиться вальсировать... Не примете ли вы на себя труда дать мнѣ нѣсколько уроковъ?... Знаете что: начнемте теперь же; вы увидите, могу ли я выучиться?

Императоръ встаетъ, обвиваетъ рукою талію своей племянницы и кружится съ нею, напѣвая знаменитый вальсъ *Прусской Королевы*; но послѣ двухъ или трехъ неловкихъ круговъ, у Наполеона дѣлается головокруженіе, въ глазахъ у него темнѣетъ, онъ останавливается и едва не падаетъ. Мюратъ спѣшитъ посадить его и говорить съ улыбкою:

— Вы плохой ученикъ, Государь; вы созданы повелѣвать, а не повиноваться.

— Ну, мой милый, — отвѣчаетъ Наполеонъ, отирая потъ съ лица, — дѣлать нечего: вальсировать я не буду съ женою, но буду танцовать съ нею.... *то-пассо*, на примѣръ въдъ это не трудно?

Императоръ самъ выбиралъ *свадебную карзинку* и подарки для Маріи-Луизы. Уборы, цвѣты, ткани, кружева, драгоценные камни, все это было раскладываемо въ бывшей уборной Жозефины въ Тюльери, и потомъ, подъ надзоромъ самаго Императора, укладываемо въ ящики для отправления. При укладкѣ множества атласныхъ башмаковъ, Наполеонъ взялъ одинъ изъ нихъ и, осмотрѣвъ его внимательно, воскликнулъ:

— Этотъ башмачокъ предвѣщаетъ доброе! Я думаю, что немного найдется такихъ хорошенькихъ ножекъ, какъ эта?

Потомъ легонько ударивъ этимъ башмачкомъ пажу, который нагнулся, чтобы разсмотрѣть его хорошенько, Наполеонъ сказалъ полусутоливымъ, полусерьезнымъ тономъ:

— Что, каково?... Не любопытничайте и не смѣйтесь, когда я говорю.

Марія-Луиза ѣхала очень медленно, въ каждомъ городѣ, находившемся на пути, ожидалъ ее праздникъ. Императоръ ежедневно писалъ къ ней собственноручно; письма эти и отвѣты на нихъ пересылались съ пажами Императора.

Въ Страсбургѣ Марія-Луиза пробыла два дня. Миновавъ Шалонъ, она завтракала въ Силлери у

графа Валаисъ, и черезъ Реймсъ прибыла на послѣднюю станцію передъ Суассономъ, гдѣ, согласно маршруту, долженствовала она остановиться для почлега. Свиданіе съ Императоромъ было назначено на другой день въ Компіенѣ, но нетерпѣліе Наполеона измѣнило этотъ порядокъ. Въ Суассонѣ почлега не было. Вотъ какъ рассказывали объ этотъ во дворцѣ:

Императоръ, узнавъ отъ курьеровъ, разставленныхъ по дорогѣ, что Марія-Луиза была не далѣе какъ въ сорока верстахъ отъ Суассона, кличетъ своего камердинера и говоритъ ему:

— Констанъ! сію же минуту прикажите закладывать маленькую коляску и приходите одѣвать меня.

Наполеонъ желаетъ сдѣлать сюрпризъ своей невѣстѣ; онъ, какъ дитя, радуется неожиданности этого свиданія; одѣвается гораздо щеголеватѣе, чѣмъ обыкновенно, и, такъ сказать, кокетничая славою, надѣваетъ сверхъ всего сѣрый сюртукъ, бывшій на немъ въ день Ваграмскаго сраженія; потомъ въ сопровожденіи одного Мюрата поспѣшно уходитъ черезъ паркъ и уѣзжаетъ инкогнито.

Цѣлю этой поспѣшной поѣздки было не одно любопытство: Императоръ желалъ упростить слѣдующую статью церемоніала, назначеннаго для свиданія въ Компіенѣ.

«Когда Ихъ Величества встрѣтятся въ среднемъ «шатрѣ (въ который Ихъ Величества войдутъ въ одно и тоже время съ противоположныхъ сторонъ) «Императрица станетъ на колѣна; Императоръ подниметъ ее, поцѣлуетъ; потомъ Ихъ Величества ся-

«дуть одинъ противъ другаго на тронахъ, нарочно «для того устроенныхъ.»

Неожиданное свиданіе Наполеона съ Марією-Луизою избавило дочь Цезарей отъ необходимости исполнить эту не слишкомъ приличную статью церемоніала.

Императоръ, миновавъ Суассонъ, прибылъ въ Курсель въ ту минуту, когда курьеры Императрицы приготавливали ей подставныхъ лошадей.

Императоръ приказываетъ остановиться, выходитъ изъ коляски, и укрываясь отъ дождя, который лиль, какъ говорится, ведромъ въ это время, становится на паперть цекрви, находившейся внѣ деревни. Въ ту же минуту коляска Императора, по его приказанію, отъзжаетъ въ сторону.

Болѣе четверти часа простоялъ онъ на этой паперти вмѣстѣ съ Королемъ Неаполитанскимъ, до появленія первой кареты кортежа Маріи-Луизы. Замѣтивъ эту карету, Наполеонъ спѣшитъ воротиться въ деревню, и въ ту минуту, когда повздъ останавливается для перемѣны лошадей, бросается къ берлину Императрицы.

Дежурный шталмейстеръ Г. де Салюсъ, узнавъ Наполеона и не зная о желаніи его сохранить инognito, спѣшитъ откинуть подножку, провозглашая: *Императоръ!* Но Наполеонъ предупреждаетъ его, прыгаетъ въ карету, бросается на шею Маріи-Луизы и осыпаетъ ее поцѣлуями. Марія-Луиза, несколько не приготовленная къ этому свиданію, приходитъ въ ужасъ, защищается, кричитъ; но Короле-

ва Неаполитанская, бывшая съ нею въ каретѣ, успокоиваетъ ее, повторяя ей:

— Да вѣдь это Императоръ!...

Марія-Луиза, узнавъ своего будущаго супруга, хочетъ стать передъ нимъ на колѣна, но Наполеонъ противится этому намѣренію, снова цѣлуетъ ее и приказываетъ скакать въ Компіень.

На древней башнѣ этого дворца било одиннадцать часовъ, когда карета Ихъ Величествъ остановилась на дворѣ его. Въ этотъ вечеръ во дворецъ не было собранія; дворъ разошелся не медленно по входѣ Императрицы въ свои апартаменты.

На другой день, въ одиннадцать часовъ утра, Наполеонъ завтракалъ съ Марією-Луизою въ ея спальнѣ. При завтракѣ прислуживали однѣ женщины. Императрица встала очень поздно. Это утро было для нея вдвойнѣ утомительно, потому что особы, которыхъ она едва знала, представляли ей множество другихъ особъ, которыхъ она вовсе не знала. Послѣ этихъ представлений Ихъ Величества отправились въ Сень-Клу, гдѣ и были встрѣчены лицами разныхъ званій.

Церемонія *гражданскаго* брака послѣдовала въ большой галлерей этого дворца, черезъ день послѣ прибытія Ихъ Величествъ.

Для этой церемоніи въ концѣ галлерей была устроена эстрада и поставленъ столъ, покрытый богатѣйшею тканью, и два великопѣнные кресла для Наполеона и Маріи-Луизы; для Принцесъ же и Принцовъ Императорской фамиліи были поставлены

стулья и табуреты, имѣвшіе видъ Х. Архиканцлеръ Камбасересь сидѣль у стола, на которомъ лежала огромная тетрадь въ сафьянномъ переплетѣ, съ позолоченнымъ обрѣзомъ. Реньо де Сень-Жанъ д'Анжели, сидѣвшій подлѣ Камбасереса, долженствоваль исполнить обязанности секретаря. Императоръ, занявъ свое мѣсто, сдѣлалъ знакъ, чтобы сѣли всѣ тѣ, которые имѣли право, на стуль или на табуретъ; потомъ, понюхавъ табаку, подалъ знакъ оберъ-церемоніймейстеру, чтобы онъ подвелъ къ эстрадѣ другихъ присутствовавшихъ. Когда все это усѣлось и было размѣщено, архиканцлеръ всталъ и, поклонясь Императору, спросилъ:

— Государь, имѣете ли вы намѣреніе вступить въ законный бракъ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Эрцгерцогинею Австрійскою Марією-Луизою, здѣсь находящеюся?

— *Безъ сомнѣнія, сударь, улыбаясь отвѣчалъ Наполеонъ.*

— Ваше Императорское Высочество, продолжалъ Камбасересь, обращаясь къ Маріѣ-Луизѣ, добровольно ли вы вступаете въ законный бракъ съ Императоромъ Наполеономъ, здѣсь находящимся?

— *Да, сударь, отвѣчала она, потупивъ глаза.*

— Въ силу законовъ и постановленій Имперіи, продолжалъ Камбасересь, Его Величество Императоръ Наполеонъ и Ея Императорское Высочество Эрцгерцогиня Австрійская Марія-Луиза соединяются законнымъ бракомъ.

Да здравствуетъ Императоръ! Да здравствуетъ Императрица! воскликнули всѣ присутствовавшіе.

Въ слѣдъ за этимъ Реньо де Сень-Жанъ д'Анжели представилъ Императору брачный договоръ для подписанія. Императоръ, захвативъ слишкомъ много чернилъ на перо, которое онъ не взялъ, а вырвалъ изъ рукъ Камбасереса, *капнулъ* на договоръ, при подписи. Однихъ эта неосторожность разсмѣшила, а другіе сочли ее дурнымъ предзнаменованіемъ. Рука Маріи-Луизы, казалось, дрожала при подписи. Послѣ Ихъ Величествъ стали подписываться особы Императорской фамилии и многочисленные свидѣтели; дядя Императрицы, Великій Герцогъ Вюрцбургскій, подписался послѣдній, надѣвъ предварительно на носъ маленькія очки, стекла которыхъ онъ долго протиралъ передъ надѣваньемъ.

Въ тотъ же самый день въ семь часовъ пополудни во дворцѣ былъ большой семейственный обѣдъ. Наполеонъ, противу своего обыкновенія, пилъ за десертомъ шампанское.

Въ восемь часовъ высокіе собесѣдники перешли въ парадные апартаменты, въ которыхъ, въ этотъ вечеръ, было придворное собраніе, не многочисленное, но блистательное. На этомъ вечерѣ пѣли различныя Итальянскія аріи; Крешентини пропѣлъ между прочимъ арію *Ромео при гробѣ Джульетты*: этого требовалъ самъ Императоръ. Выборъ такой печальной аріи для свадьбы показался въ то время очень страннымъ. Камеръ-лакеи приготовили карточные столы и карты; но это было сдѣлано только для формы, потому что Ихъ Величества удалились въ десять часовъ съ половиною. Примѣру ихъ послѣдовали и гости, и въ одиннадцать часовъ не было видно ни одного огонька въ цѣломъ дворцѣ.

На другой день послѣдовала церемонія пышности удивительной. Придворныя особы, долженствовавшія принять въ ней участіе, были на ногахъ и одѣты съ самого разсвѣта.

Около девяти часовъ утра шоль проливной дождь, но въ ту минуту, когда пушечные выстрѣлы возвѣстили отъѣздъ Ихъ Величествъ, облака вдругъ разсѣялись и солнце ярко загорѣлось на небѣ. Наполеонъ и Марія-Луиза отправились изъ Сень-Клу въ одной и той же каретѣ, запряженной восьмью бѣлыми лошадьми. Ей предшествовала другая пустая карета, также запряженная въ восемь лошадей: она была предназначена для Императрицы, но предназначена только для формы.

Впереди этихъ экипажей ѣхало сорокъ разложенныхъ каретъ; двадцать изъ нихъ были запряжены въ шесть лошадей, а другія двадцать въ четыре лошади. Эти сорокъ каретъ были наполнены Королями, Королевами, Принцами, Принцессами, важнѣйшими сановниками Имперіи, дипломатами и пр. Шествіе открывала гвардейская кавалерія; военный дворъ Императора, главный штабъ его, адъютанты его, шталмейстеры и пажи были сгруппированы около его кареты. Этотъ кортежъ, аррьергардомъ котораго были отряды всѣхъ армейскихъ полковъ, слѣдовалъ шагомъ и въ совершенномъ порядкѣ въ Тюльери черезъ Булонскій лѣсъ, ворота Мальо, Елисейскія поля и площадь Людовика XV. У Тюльери онъ прошелъ сквозь триумфальныя ворота, выстроенныя у самой рѣшетки этого дворца.

По сторонамъ дороги отъ Сень-Клу до самаго Тюльери толпилось несмѣтное множество народа.

Хоры музыкантовъ, разставленные на Елисейскихъ поляхъ, играли различные марши.

По прибытіи въ Тюльери кортежъ выстроился въ *Дианной галлерей* и, черезъ большую галлерей Музея, слѣдовалъ до *павильона Флоры*. Здѣсь представилось взорамъ зрѣлище еще болѣе ослѣпительное: по стѣнамъ павильона ткнулось три яруса ложъ, наполненныхъ дамами; большая четверугольная зала, находящаяся на другой оконечности павильона, была обращена въ капеллу.

Богослуженіе началось тотчасъ по прибытіи Ихъ Величествъ.

Литургія была совершена Кардиналомъ Фешемъ (дядею Императора); музыкальная часть была исполнена музыкантами и хористами оперы.

По приглашенію министра духовныхъ дѣлъ, на эту обѣдню собралось все знатнѣйшее духовенство Французское и Итальянское, за исключеніемъ однакожъ Кардиналовъ. Наполеонъ, подойдя къ алтарю, замѣтилъ, что мѣста для нихъ приготовленные были пусты. На другой день громы его разразились надъ ними: онъ запретилъ имъ носить пурпуровыя мантии; насмѣшники прозвали этихъ кардиналовъ черными.

Вечеромъ Парижъ былъ великолѣпно иллюминированъ. Частные дома соперничествовали съ общественными зданіями въ роскоши освѣщенія. На Сенъ были разставлены небольшія суда, освѣщенные цвѣтными шкаликами. Спокойствіе города, благодаря необыкновенной дѣятельности полиціи, нарушено не было.

Посреди пяти или шести сотъ тысячъ пѣшеходцевъ, толпившихся на набережныхъ, на улицахъ и на площадяхъ, смежныхъ съ Тюльери, медленно двигалась карета, безъ украшеній и безъ гербовъ. Эта карета вмѣщала въ себѣ августѣйшую чету, которая была въ это время въ одеждѣ простыхъ гражданъ. Свиты за И. В. не было.

Парижъ поднесъ, при этомъ случаѣ, въ подарокъ Маріи-Луизѣ богатѣйшій туалетъ изъ вызолоченнаго серебра; а Наполеону столовый сервизъ, оцѣненный въ восемь сотъ тысячъ франковъ. Въ послѣдствіи этотъ сервизъ употреблялся на парадныхъ обѣдахъ, а въ 1814 году причисленъ къ Королевскимъ сокровищамъ.

Бракосочетаніе Наполеона было праздновано во всей Имперіи. Въ продолженіи цѣлаго мѣсяца давались балы въ Парижѣ, а во дворцѣ придворные ежедневно осушали цѣлые ряды бутылокъ шампанскаго «за здравіе Ихъ Величествъ.» Воскличанія этихъ господъ были такъ шумны и повторялись такъ часто, что Наполеонъ наконецъ положилъ предѣлъ изъясненіямъ этого восторга *слишкомъ безконечнаго*, какъ онъ самъ выразился.

Старинный придворный Ихъ Императорскихъ Величествъ.

ГЕНЕРАЛЬ ПЕГО.

Біографическій эскизь.

Извѣстіе о Пильницкихъ происшествіяхъ воспламенило патриотизмъ Французовъ: отечество наше, такъ сказать, превратилось въ арсеналь; колокола были перелиты въ пушки; пятьсотъ тысячъ нашихъ гражданъ добровольно стали подь ружье и во Франціи оказалось болѣе милліона воиновъ рѣшительныхъ и храбрыхъ. Австрійцы ворвались въ наши владѣнія... Между тѣмъ былъ взятъ Верденъ и междуусобная война вспыхнула на западѣ и на югѣ. Въ это-то критическое время, Жанъ Пего, имѣвшій тогда только 18 лѣтъ отъ роду, покидаетъ свои мирныя занятія, записывается въ полкъ и увлекаетъ своимъ примѣромъ многихъ юношей своего отечественнаго города, Сенъ-Годена. Умный, храбрый Пего вскорѣ получаетъ чинъ подпоручика, потомъ капитана артиллеріи и въ этомъ званіи принимаетъ участіе во взятіи Тулона.

Въ то время, когда конвентъ состязается въ борьбѣ 9 термидора, Пего, непричастный партіямъ, по вѣрный своему знамени, сражается въ Италіи подлѣ Ожеро, а потомъ участвуетъ въ побѣдахъ при Милессимо, Дего и Лоди.

Въ Кови, Пего узнаетъ въ первый разъ несчастіе: Осажденный въ крѣпости и доведенный до послѣдней крайности, онъ, послѣ храбраго сопротивленія, отдается въ плѣнъ вмѣстѣ съ Периньономъ. По возвращеніи въ отечество, Пего, желая найти для своей дѣятельности поприще болѣе обширное, чѣмъ артиллерія, оставляетъ Италіанскую армію и, по приглашенію полковника Арну, вступаетъ въ 7-й линейный полкъ.

Вскорѣ послѣ этого Пего плыветъ съ экспедиціею генерала Леклерка на Сень-Доминго, съ экспедиціею, которой предстояла борьба съ заразительными лихорадками и съ мятежомъ. Пего былъ сдѣланъ баталіоннымъ командиромъ въ 11-й легкой дивизіи. Окруженный въ Бредѣ непріателемъ, Пего защищается съ неслыханною храбростію, держится посреди грудъ труповъ, не смотря на недостатокъ въ водѣ и въ военныхъ снарядахъ, и, въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ выдерживаетъ огонь такъ храбро, что главнокомандующій непріятельскимъ войскомъ, удивленный такою безпримѣрною стойкостію, предложилъ ему капитуляцію очень небезславную.

Послѣ сдачи Сень-Доминго, послѣдовавшей въ 1803 году, Пего былъ исключенъ Дессалиномъ изъ числа военно-плѣнныхъ. Черный Генералъ, имѣвшій

случай оцѣнить достоинства Пего, прислалъ ему въ подарокъ серебряныя шпоры при письмѣ слѣдующаго содержанія: « Мужественный гражданинъ Пего, « я умѣю цѣнить честь и храбрость повсюду, гдѣ « встрѣчаю ихъ, и даже между врагами моими; желая « увѣрить васъ въ справедливости словъ моихъ, я « исключая васъ изъ числа военно-плѣнныхъ. »

Рошамбо, сдѣлавшійся послѣ смерти Леклерка главноначальствующимъ надъ Сень-Домингскою экспедиціею, наградилъ Пего саблею « за храбрость. »

Пего, какъ и вся армія, былъ восхищенъ учрежденіемъ Имперіи. Солдаты считали Наполеона представителемъ ихъ собственныхъ пожертвованій и опорою народа и революціи; они были увѣрены, что Наполеонъ еще болѣе увеличитъ наше могущество на твердой землѣ.

Въ 1804 году Пего возвратился во Францію и поступилъ въ 5 полкъ легкой пѣхоты, состоявшій подъ начальствомъ Дюбретона, нынѣ генераль-лейтенанта и пера Франціи.

Ни одинъ изъ офицеровъ этого полка не былъ награжденъ орденомъ, потому что ни одинъ изъ нихъ не участвовалъ въ походахъ большой арміи; Пего, который также еще не имѣлъ креста, на одномъ смотру въ Тюльери говоритъ своему полковому командиру: « Я надѣюсь, Жанъ-Луи, что ты сегодня поговоришь Императору о нашихъ крестахъ. » Полковникъ обѣщался. По окончаніи смотра, Императоръ, какъ обыкновенно, начинаетъ благодарить отличившихся на парадѣ; Пего, стоявшій за своимъ полковымъ командиромъ, потихоньку толкаетъ его

въ руку, чтобы напомнить о докладѣ Императору; но видя, что полковникъ не слишкомъ спѣшить этимъ докладомъ, Пего выступаетъ на нѣсколько шаговъ изъ рядовъ, подноситъ руку къ киверу и говоритъ:

— Государь!

Императоръ въ это время разговаривалъ съ однимъ генераломъ; услышавъ, что ему говорятъ, онъ оборачивается съ живостію и восклицаетъ:

— Что тамъ такое?

— Государь! мы точно незаконныя дѣти вашей арміи....

— Какъ такъ?

— Государь, ни одинъ изъ моихъ товарищей не имѣетъ креста; даже самъ полковой командиръ мой не имѣетъ его и я тоже не имѣю!... тогда, какъ я уже получилъ саблю за храбрость....

Императоръ хмуритъ брови и, живо оборачиваясь къ Бертье, восклицаетъ съ гнѣвомъ:

— Чтожъ это значить?... Сей же часъ дать кресты этимъ офицерамъ.

Пего дали солдатскій крестъ, хотя Пего получилъ саблю за храбрость и имѣлъ право на крестъ *офицерскій*.

Послѣ Иенской битвы, Пего былъ произведенъ въ маіоры въ 26-й линейный полкъ. Со времени этого производства Пего неотлучно находился при большой арміи.

Въ 1809 году, во время нападенія Англичанъ на Флессингенъ и взятія Вердюна, Пего начальствовалъ

въ Кадуанѣ. Въ 1810 году онъ находился въ Испаніи, въ то время, когда Массена очищалъ Португаллію и когда Англія увѣряла Европу, что мы погибли безвозвратно.

Вскорѣ по возвращеніи во Францію, Пего получилъ 19 Апрѣля 1811 года чинъ полковника въ 84 линейный полкъ, находившійся въ то время въ Италіи.

Когда при этомъ случаѣ Императору представили списокъ офицеровъ, удостоиваемыхъ производства (списокъ былъ довольно длиненъ), Императоръ, пробѣжавъ его глазами, взялъ перо и, однимъ разомъ, зачеркнулъ всѣ имена, кромѣ имени Пего, поставленнаго въ концѣ списка.

— Я назначаю Пего, сказалъ Наполеонъ.

Это назначеніе заслужило всеобщее одобреніе.

Офицеры 84-го полка, расположеннаго въ Бергамо, задали, для встрѣчи своего новаго командира, обѣдъ и балъ, пригласивъ на этотъ праздникъ гражданскихъ и военныхъ чинозниковъ города. Въ числѣ трофеевъ, украшавшихъ столъ, возвышался павильонъ съ орломъ и знаменемъ наверху; на знамени было написано: *одинъ противу десяти*. Эти слова были намекомъ на блистательное дѣло при Гратцѣ въ Штиріи, бывшее за десять дней до Ваграмской битвы *.

* Маршалъ Макдональдъ оставилъ 26 Іюня 1809 года дивизію генерала Бурсье передъ Гратцомъ, въ $1\frac{1}{2}$ мили отъ Робба; на эту дивизію напали двадцать тысячъ непріятелей, вынудили ее снять осаду и отрѣзали 84-й полкъ. Полкъ этотъ, увидѣвъ себя отрѣзаннымъ, удалился на одно возвышеніе и не только удержалъ его за собою въ продолженіи десяти часовъ, но и

Послѣ обѣда Пего сказалъ одному изъ друзей своихъ, который указывалъ ему этотъ трофей:

— Это новый должёкъ Императору, но я постараюсь заплатить его.

И въ самомъ дѣлѣ подъ Малымъ Ярославцемъ, при Генуѣ, въ 1814 году, и Витерлоо онъ вполнѣ заплатилъ этотъ должёкъ.

Во время Русской кампаніи, Пего командовалъ своимъ 84 полкомъ. Подъ Бородинымъ, во время самага разгара битвы, Вице-Король, проѣзжая по фронту, видитъ, что путь его перехваченъ непріятельскою кавалеріею, которая густою колонною старалась прорвать нашу линію.

Принцъ съ штабомъ своимъ скачетъ назадъ и наѣзжаетъ на 84 полкъ. Пего предугадалъ это движеніе Русскихъ; онъ, безъ приказанія, занялъ другое болѣе выгодное мѣсто и построилъ свой полкъ въ каре.

Принцъ второляхъ не узнаетъ полка и спрашиваетъ.

— Гдѣ я? какой это полкъ?

Помощникъ начальника штаба его, Генераль Дюрё, отвѣчаетъ:

нанесъ Австрійцамъ значительный вредъ. Наконецъ подкрѣпленный 9 полкомъ, 84-й полкъ бросается на непріятели, опрокидываетъ его и гонитъ; на полѣ сраженія остается до 2000 убитыхъ Австрійцевъ и множество пленныхъ. Императоръ, узнавъ объ этомъ подвигѣ, сказалъ: «Не имѣя возможности наградить всѣхъ солдатъ 84 полка, я награжу орла ихъ.» И въ самомъ дѣлѣ, Наполеонъ далъ знамени этого полка слѣдующій девизъ: «Одинъ противъ десяти».

(Прим. Фран. издателя).

— Это каре 84-го полка, Ваше Высочество.

— А! такъ это вы, Пего! восклицаетъ Евгений. Въ такомъ случаѣ я спокоенъ.

— Вы можете положиться на насъ, Ваше Высочество, отвѣчаетъ Пего. Между нами вы будете въ такой же безопасности, какъ и въ нашемъ Миланскомъ дворцѣ.

Пего былъ сдѣланъ командоромъ почетнаго легіона на полѣ этой битвы.

Въ числѣ полковъ, наиболѣе отличившихся между Островно (?) и Витебскомъ, находился и 84 полкъ, входившій въ составъ дивизіи Генерала Дельсона (эта дивизія состояла въ 4 корпусъ, который былъ подъ командою Вице-Короля Италіанскаго).

Императоръ, дѣлая, послѣ сраженія, смотръ этому корпусу, подъѣзжаетъ къ 84 полку и спрашиваетъ у полковника имена офицеровъ, наиболѣе отличившихся. Пего, который зналъ эти имена наизусть, вызываетъ своего адъютанта.

Наполеонъ очень хорошо зная, что полковники не рѣдко благоволили своимъ адъютантамъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, говоритъ окружающимъ его Генераламъ, потирая себѣ руки и улыбаясь:

— Пари держу, что это фаворитъ полковника.

— Государь! отвѣчаетъ Пего, у меня нѣтъ другихъ фаворитовъ, кромѣ вѣрныхъ слугъ Вашего Величества.

Является адъютантъ; Императоръ смотритъ на него и спрашиваетъ:

— Сколько лѣтъ въ службѣ?

— Двадцать одинъ годъ, Государь.

— А сколько лѣтъ въ чинѣ?

— Семь лѣтъ, Государь.

Императоръ оборачивается къ Пего и, сдѣлавъ поклонъ, говоритъ:

— Ну, полковникъ, я виновать передъ вами и постараюсь вознаградить васъ.

Но въ это время бѣдствій нѣкогда было думать о вознагражденіяхъ. Мы отступали по снѣгамъ Россіи; козаки, слѣдившіе за нами шагъ за шагомъ, голодъ и морозы опустошали ряды наши.

Императоръ, идя посреди рассыпавшихся колоннъ своихъ, узнаеть по пуговицамъ солдата 84 полка, беретъ его за полу и говоритъ съ укоризною:

— Какъ! ты служилъ въ 84-мъ полку и бѣжишь?

Пего, находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Императора, слышитъ эти слова. Опъ приближается къ Наполеону и восклицаетъ:

— Нѣтъ, Государь! 84 полкъ не бѣжить!... 84 полкъ не существуетъ уже!...

— Какъ такъ? говоритъ Императоръ.

— Да, Государь, отвѣчаетъ Пего, 84 полкъ лишился шесть сотъ человекъ подъ Малымъ Ярославцемъ.... да при переправѣ черезъ *Worr*'у (?) погибло вдвое болѣе.

При этомъ неожиданномъ отвѣтѣ, Императоръ схватываетъ Пего за руку и говоритъ, сжимая ее въ своей рукѣ:

— Постарайтесь, полковникъ, ободрить тѣхъ, которые остались.

Пего былъ представляемъ въ Генералы нѣсколько разъ. Однажды, когда Вице-Король говорилъ Наполеону о правахъ этого полковника на чинъ Генерала, Наполеонъ отвѣчалъ:

— У меня слишкомъ много Генераловъ; мнѣ надобны храбрые полковники. Послѣ этой кампаніи Пего забыть не будетъ.

Пего былъ произведенъ въ бригадные Генералы въ Италіи, гдѣ онъ отличился новыми подвигами. Евгенийъ, при этомъ случаѣ, написалъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

«Господинъ Полковникъ Пего! Спѣшу увѣдомить васъ, что Его Величество изволилъ подписать 31 числа минувшаго мѣсяца представленный мною декретъ, о назначеніи васъ бригаднымъ Генераломъ. Радуюсь, что заслуги ваши не остаются безъ награды. Молю Бога, да хранитъ Онъ васъ своею святою милостію.

«Верона 8 Генваря 1814 года.

«Евгеній Наполеонъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Императоръ, просматривая 31 Дября 1813 года списокъ полковниковъ, представляемыхъ къ производству въ Генералы, при словѣ Пего остановился и сказалъ:

— Вотъ этотъ истинно заслуживаетъ производства и притомъ это такъ кстати: уже давно слѣдуетъ мнѣ порадовать Пего.

Началось вторженіе непріятелей въ предѣлы Франціи. Союзники перешли уже чрезъ Рейнь. Мюратъ отложился отъ насъ; Евгенийъ былъ вынужденъ отступить къ Минчіо.

Въ это бѣдственное время, Пего въ сраженіи при Стурль (13 Апрѣля 1814 года) во время жаркаго сопротивленія высадкѣ Англійскаго Адмирала, былъ раненъ пулями въ правый бокъ, въ лѣвое плечо и въ грудь.

Путру Пего, предвидя, что дѣло будетъ жаркое, хотѣлъ было отдать слугѣ на сбереженіе свою записную книжку и предписаніе Вице-Короля Италіанскаго, но потомъ раздумалъ и взялъ то и другое съ собою. Книжка спасла Пего: она ослабила ударъ пули, попавшей въ грудь Генерала; но какъ бы то ни было, Пего, сбитый съ своей лошади, былъ оставленъ въ числѣ мертвыхъ на полѣ сраженія. После битвы, Пего, благодаря помощи, оказанной ему въ Генуѣ, возвратился къ жизни; но раны не зажили и въ послѣдствіи были причиною его смерти.

При Бурбонахъ Пего не служилъ, но въ 1815 году, когда Императоръ, какъ бы чудомъ, овладѣлъ въ теченіи двадцати дней престоломъ, Пего, еще не совсѣмъ изцѣлившійся отъ ранъ своихъ, явился къ этому великому полководцу и при Ватерлоо командовалъ бригадою, входившею въ составъ дивизіи Генерала Дюрюта.

Пего оставилъ поле Ватерлоосское уже при послѣдней крайности.

Онъ довелъ свою бригаду до Ангулема, гдѣ она была расформирована. Пего, который поселился было въ Ангулемѣ на житье, былъ обнесенъ въ 1816 году передъ правительствомъ; доносчики взвели на него, что будто бы у него бывають тайныя совѣщанія и что онъ злоумышляетъ противу государства,

Министръ полиціи предписалъ префекту города, г. Крезе де Лессеру, развѣдать, что такое дѣлается у Пего. Префектъ, заготовивъ отвѣтъ министру, отправился въ загородный домъ Пего, и увидѣвъ, что этотъ Генераль сидитъ посреди дѣтей своихъ, воскликнулъ: «Надобно сознаться, что вы очень походите на заговорщика!...» Потомъ показалъ ему письмо, весьма для него благопріятное, заготовленное въ отвѣтъ на предписаніе министра.

Пего во все время службы своей только однажды видѣлся съ своими домашними: это было въ 1805 году послѣ возвращенія его изъ Америки. Въ 1818 году, какъ бы предчувствуя смерть свою, Пего отправился съ женою и съ дѣтьми въ Сепъ-Годень, гдѣ и скончался 1 Апрѣля 1819 года послѣ непродолжительной болѣзни, во время которой открылись всѣ его прежнія раны. Семейство его осталось въ бѣдности.

Эмиль Марко де Сепъ-Илеръ.

РОЖДЕНИЕ РИМСКАГО КОРОЛЯ.

При рожденіи Римскаго Короля, по городу разнеслись самыя нелѣпыя слухи: одни увѣряли, что Императрица вовсе не была беременна и что родины ея были не болѣе какъ выдумка, при помощи которой Императоръ желалъ узаконить одного изъ побочныхъ сыновей своихъ; другіе утверждали, что Императрица разрѣшилась дѣвочкою, а иные говорили, что новорожденный умеръ и былъ подмѣненъ другимъ младенцемъ. Но эти слухи, которымъ натурально ни кто не вѣритъ, теперь въ сторону; приступимъ къ дѣлу.

Было около семи часовъ вечера, когда Марія-Луиза почувствовала первыя боли, предшествующія родамъ. Тотчасъ же былъ позванъ къ ней акушеръ Дюбуа. Императрица, при которой Дюбуа находился неотлучно, провела всю эту ночь въ страданіяхъ. При Маріи-Луизѣ, кромѣ г. Дюбуа, находились тог-

да г. Монтебелло, г-жа Люсэ, г-жа Монтескіё (наименованная гувернанткою дитяти, которому слѣдовало родиться), г. Балланъ, я, двѣ камерь-фрау и сидѣлка, г-жа Блезь. Императоръ, его мать, его сестры, гг. Корвизаръ и Бурди помѣщались въ залѣ, смежной съ комнатою, занимаемою Марією-Луизою; они часто входили къ Императрицѣ для освѣдомленія о состояніи здоровья Ея Величества. Боли ея, которыя во все продолженіе ночи были не слишкомъ сильны, въ пять часовъ утра затихли совершенно. Императоръ, узнавъ отъ Дюбуа, что роды еще не близки, приказалъ всѣмъ намъ удалиться и самъ отправился въ ванну.

Утомленная Марія-Луиза заснула было; но, не болѣе какъ черезъ часъ, пробудилась, почувствовавъ новыя боли, непрерывно усиливавшіяся. Дюбуа увидѣвъ, что роды будутъ трудныя, отправился къ Императору и сказалъ ему, что онъ не надѣется спасти младенца.

— Спасайте мать! воскликнулъ Наполеонъ и вскочилъ изъ ванны.

Потомъ онъ одѣлся наскоро, прибѣжалъ къ Императрицѣ и нѣжно поцѣловалъ ее, прося быть смѣлѣе и терпѣливѣе. Въ эту минуту явились докторъ Бурдьё и хирургъ Жоанъ. Роды начались. Младенецъ шель ногами и Дюбуа былъ вынужденъ высвободить голову его щипцами. Роды продолжались двадцать шесть минутъ и были чрезвычайно мучительны. Императоръ выдержалъ: минутъ черезъ пять послѣ начала родовъ онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ руку Императрицы и внѣ себя, блѣдный, ушелъ въ ея

туалетную; но почти каждую минуту присылалъ освѣдомляться о здоровьи Маріи-Луизы. Наконецъ ребенокъ родился. Императоръ, узнавъ объ этомъ, вышелъ къ Императрицѣ и нѣжно ее обнялъ. Вслѣдъ за этимъ былъ впущенъ въ комнату Маріи-Луизы Камбасересъ, который, какъ Архиканцлеръ Имперіи, долженъ былъ засвидѣтельствовать рожденіе и поль дитяти. За Архиканцлеромъ слѣдовалъ Князь Невшательскій; однакожъ Князь не имѣлъ права находиться въ этой комнатѣ.

Новорожденный въ теченіи семи минутъ не подавалъ никакого знака жизни. Наполеонъ счелъ его мертвымъ, однакожъ не сказалъ ни слова и занимался одною Императрицею. Въ ротикъ дитяти влили нѣсколько капель водки; тѣло его слегка потирали ладонью, а потомъ покрыли нагрѣтыми салфетками; наконецъ дитя вскрикнуло.... Наполеонъ бросился цѣловать своего сына, сына, рожденіе котораго было послѣднимъ привѣтомъ судьбы его.

Свидѣтелями сцены, описанной мною, были двадцать двѣ особы, которыхъ я поименую, чтобы лучше показать справедливость ея подробностей. Эти особы были: Императоръ, Гг. Дюбуа, Корвизаръ, Бурдье и Жоанъ; г-жи Монтебелло, Люсэ и Монтескіе; шесть камеръ-фрау: Балланъ, Деманъ, Гюро, Рабюссонъ, Жераръ и я, дѣвицы Гоноре Эдуаръ, Барбье, Оберъ и Жофруа, сидѣлка г-жа Влезъ и двѣ надзирательницы за гардеробомъ.

Я не говорю ни о Камбасересъ, ни о Князь Невшательскомъ, потому что они вошли послѣ разрѣшенія Императрицы. Одни эти многочисленные свидѣтели достаточно опровергаютъ басню подмѣна

ребенка. Могъ ли быть сдѣланъ подобный подмѣнъ въ присутствіи столькихъ людей и при томъ въ комнатѣ, возлѣ которой залы были полны придворными и другими особами, состоявшими по службѣ своей при Императорѣ, которые всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали этого важнаго событія.

Въ этотъ день всѣмъ жителямъ Парижа сдѣлалось извѣстно, что Императрица чувствуетъ боли, предшествующіе родамъ. Садъ Тюльерійскій съ самаго разсвѣта былъ наполненъ несмѣтнымъ множествомъ народа. Публикѣ уже было извѣстно, что рожденіе дочери будетъ возвѣщено двадцать однимъ выстрѣломъ, а рожденіе сына сто однимъ. При первомъ выстрѣлѣ въ шумныхъ толпахъ народа, наполнявшаго Тюльерійскій садъ, воцарилось глубокое молчаніе. Оно было прерываемо только тѣми, которые вполголоса считали выстрѣлы.... Но при двадцать второмъ выстрѣлѣ этими толпами овладѣлъ восторгъ который трудно бы описать; крики радости, шляпы бросаемыя въ верхъ и *vivatъ* содѣйствовали къ распространенію этой вѣсти въ Парижѣ почти столько же, какъ и самыя пушечныя выстрѣлы.

Императоръ стоялъ за занавѣскою окна въ спальнѣ Императрицы и, такъ сказать, инкогнито наслаждался этимъ всеобщимъ упоеніемъ.... Неполеонъ плакалъ самъ не замѣчая этого.... и съ этими-то слезами на глазахъ онъ снова поцѣловалъ своего сына.

Вдова Генерала Дюрана,
Камеръ-Фрау Императрицы Марин-Луизы.

АРАППЫ,

1812 года.

Славно одержать побѣду надъ непріятелемъ, но не менѣе славно спасти войско, которому грозитъ близкая гибель. Спасти войско отъ гибели — значитъ одержать побѣду надъ несчастіемъ. Генераль Клозель, нынѣ Маршалъ, оказалъ подобнаго рода услугу отечеству: онъ спасъ нашу Португальскую армію, которой, по неосторожности Герцога Рагузскаго, угрожало совершенное истребленіе. Это случилось 22 Іюля 1812 года. Наполеонъ прозвалъ Клозеля, послѣ этого подвига, *несчастливымъ героемъ Араппильскимъ*.

Наканунѣ этого дня происходило долгое* совѣщаніе между Маршаломъ Мармономъ и Генералами Клозелемъ и Бонé. Маршалъ объявилъ, что онъ намѣренъ дать сраженіе Англо-Португальской арміи, состоявшей подъ командою Веллингтона. Генералы были противнаго мнѣнія; они говорили Гер-

цогу Рагузскому, что рѣшаться на битву съ осьмидести тысячною арміею, имѣя у себя не болѣе сорока тысячъ войска, значило подвергать опасности участь всей войны на Испанскомъ полуостровѣ. Они напомнили ему, что армія, находившаяся во внутренности Испаніи, и отряды войскъ, занимавшіе сѣверныя провинціи этого государства, могутъ вскорѣ соединиться съ нимъ; что послѣ этого соединенія и можно атаковать Веллингтона безъ всякой опасности, что не слѣдуетъ измѣнять систему *уклончивости*, которой слѣдовали болѣе мѣсяца, и измѣнять ее безъ видимой необходимости, потому что Веллингтонъ, казалось, хотѣлъ отступить къ Ціудадъ-Родриго, какъ бы опасаясь прибытія нашихъ подкрѣпленій; что отрѣзывать дорогу изъ этого города въ Саламанку, значило вызывать Веллингтона на бой, котораго, напротивъ того, слѣдовало бы избѣгать на нѣкоторое время.

Всѣ эти представленія были бесполезны: Маршалъ настоялъ на своемъ. Нѣкоторыя изъ выраженій Генераловъ, произнесенныя довольно громко, были услышаны офицерами, находившимися не подалеку отъ мѣста совѣщанія. Генераль Клозель говорилъ Герцогу Рагузскому:

— Съ какою цѣлію дадимъ мы это сраженіе? Развѣ для того, чтобы овладѣть операціонною линіею Ангичанъ?... Они готовы уступить ее и безъ сраженія.

— Я исполняю повелѣнія Императора, отвѣчалъ Маршалъ; впрочемъ, эти безконечныя марши и контрмарши только утомляютъ войска; воевать по его понятіямъ — значитъ сражаться.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Генераль Клозель, войско понимаетъ войну такъ, какъ вы говорите; но предводитель его долженъ имѣть о войнѣ не столь одностороннѣе понятіе.

— Армія имѣетъ надобность въ побѣдѣ: духъ ея начинаетъ упадать, возразилъ Герцогъ.

— А если вы проиграете сраженіе, что тогда будетъ съ «духомъ арміи»?

— А если эта кампанія пройдетъ въ бездѣйствіи, что скажетъ Императоръ, когда онъ возвратится изъ Россіи?

— Подумайте однакожь, что скажетъ онъ, если вы погубите армію; что если въ Россіи онъ встрѣтитъ нѣудачу и потребуетъ свои Испанскія войска на Сѣверъ для подкрѣпленія большой арміи? Кого мы пошлемъ тогда, если будемъ разбиты? Вѣдь мы лишимся всей теперешней власти нашей надъ Испанією.

Маршалъ, казалось, погрузился въ размышленіе; но вдругъ онъ подошелъ къ Клозелю и гордо сказалъ:

— Нѣтъ, Генераль, мы не будемъ разбиты, это невозможно; и я поступилъ бы не очень умно, еслибъ упустилъ случай разбить Веллингтона, когда у меня войска въ половину менѣе, чѣмъ у него. Что за слава побѣдить его, когда я буду вдвое его сильнѣе.

— Оно такъ.... побѣда съ меньшимъ числомъ войска славнѣе; но если мы и побѣдимъ, отечество все таки потребуетъ отъ насъ отчета въ смерти тѣхъ, которые были бы живы, когдабъ мы помедлили нѣсколько дней.

— Клозель! воскликнулъ Маршалъ съ энтузіазмомъ, завтра же мы дадимъ сраженіе: я буду жить въ исторіи!

— Страшитесь заслужить укоръ ея! сурово отвѣчала Клозель и удалился.

На другой день, дивизія Генерала Боне, находившаяся въ авангардѣ, овладѣла однимъ изъ холмовъ Арапильскихъ, опрокинувъ всходившую на него колонну Англо-Португальскихъ войскъ.

Французы приготовились было овладѣть и другимъ холмомъ, но были предупреждены Англійскою дивизією, посреди которой находился самъ Лордъ Веллингтонъ съ своимъ штабомъ. Герцогъ Рагузскій, приказавъ выстроить на холмѣ, занятомъ Французами, батарею, пушки для которой перетащили гренадеры, самъ помѣстился на немъ. Лордъ Веллингтонъ началъ растягивать лѣвое крыло своей арміи до деревни Арапиль, гдѣ находился довольно сильный отрядъ Англичанъ; это размѣщеніе продолжалось около полдня. Наше же правое крыло упиралось въ холмъ, занимаемый Маршаломъ; первая и третья дивизіи занимали *Каравасскую долину*, а драгуны были помѣщены во второй линіи.

Съ другой стороны, 7 дивизія, подкрѣпляемая легкою кавалерією, становилась на лѣвомъ крылѣ и занимала лѣсъ, окружавшій самый главный изъ этихъ холмовъ, а 2-я, 4-я, 5-я и 6-я дивизіи, собранныя въ одну массу, поставлены были у лѣса.

Быль уже полдень, когда окончились всѣ эти размѣщенія; по окончаніи ихъ Маршалъ Мармонъ приказалъ открыть огонь по непріятелю; этотъ огонь, весьма живой, вынудилъ Португальцевъ отступить и оста-

вить безъ прикрытія ровное, возвышенное мѣсто, съ котораго артиллерія наша могла бы господствовать надъ всѣми движеніями непріятели. Герцогъ Рагузскій счелъ необходимымъ занять это мѣсто, тѣмъ болѣе, что Лордъ Веллингтонъ, подкрѣпивъ центръ своей арміи войсками, призванными имъ съ праваго берега Турнеса, казалось, хотѣлось овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ. Къ несчастію, Маршалъ Мармонъ превосходную мысль свою привелъ въ исполненіе очень неудачно. Въмѣсто того, чтобы сберець массу, составившуюся изъ 2-й, 4-й, 5-й и 6-й дивизій, массу, которая могла нанести рѣшительный ударъ непріятели на этомъ важномъ пунктѣ, Маршалъ раздѣлилъ ее, какъ будто бы у него было что другое противопоставить Англичанамъ. Пятая дивизія должна была перейти на противоположную оконечность возвышеннаго мѣста, о которомъ я упомянулъ; седьмая оставила положеніе, ею занимаемое, и помѣстилась во второй линіи, а вторая дивизія составила резервъ седьмой, между тѣмъ какъ 6-я занимала позицію у лѣса; съ другой стороны, Генераль Бонэ отрядилъ одинъ полкъ на холмъ, составлявшій срединную точку между пунктомъ, которымъ хотѣли овладѣть, и холмомъ занимаемымъ Маршаломъ Мармономъ. Генераль Бойе, оставивъ Генералу Фуа только одинъ драгунскій полкъ для прикрытія праваго крыла, соединился со 2-ю дивизією, которая должна была служить подкрѣпленіемъ 5-й дивизіи при нападеніи на правое крыло непріятели, въ то время, когда легкая кавалерія атакуеть его въ лѣвое крыло: и такъ всѣ усилія нашей арміи клонились только къ тому, чтобы занять мѣсто, о которомъ

говорилъ я, мѣсто, находившееся между нами и Англичанами.

Однакожь, эти столь сложные маневры и это раздробленіе арміи, которую было необходимо противопоставить значительными массами, неприятелю, превосходившему насъ въ числѣ, — быть можетъ не былибъ гибельны, еслибъ не сдѣлалъ ошибки Генераль Томьеръ, командовавшій 2-ю дивизією. Генераль Томьеръ задумалъ обойти Англійскую армію и слишкомъ растянулъ лѣвое крыло своей дивизіи, вмѣсто того, чтобы стать въ крѣпкой позиціи на назначенномъ ему мѣстѣ и ожидать прибытія 7-й и 2-й дивизій, долженствовавшихъ служить ему подкрѣпленіемъ. Лордъ Веллингтонъ, понявъ ошибку Французскаго Генерала, послѣшно переводитъ войска, находившіяся на лѣвомъ крылѣ — на правое, для того, чтобы напасть на наше правое раздробленное крыло, отрѣзать его и разсѣять. Мармонъ, замѣтивъ ошибку Томьера и маневръ Веллингтона, приказываетъ Томьеру стянуть свою линію. Это отступательное движеніе удивляетъ 7-ю и 2-ю дивизіи, которыя медленно шли ему на помощь и заставляютъ опасаться неудачи; въ то же самое время онѣ узнаютъ, что Маршалъ раненъ и еще болѣе медлятъ на пути.

Веллингтонъ, успѣвъ въ продолженіи этого времени собрать свои дивизіи, бросается на дивизію Генерала Томьера, опрокидываетъ ее, доходить до 7-й и 2-й дивизій, прежде нежели они успѣли стать въ боевую позицію, и опрокидываетъ ихъ. Между тѣмъ и Генераль Боне, только что принявшій команду отъ Герцога Рагузскаго, получаетъ рану и сдаетъ

команду Генералу Клозелю. Клозель въ ту же минуту даетъ правому крылу приказаніе не отступать ни на одинъ шагъ изъ своей позиціи и, надѣясь на неустрашимость командовавшаго имъ Генерала Фуа, дѣлаетъ это крыло точкою опоры своихъ операцій. Въ слѣдъ за этимъ онъ скачетъ на лѣвое крыло къ дивизіи Генерала Томьера, которая успѣла уже смять 7-ю дивизію и опрокинуть ее на 2-ю. Клозелю удастся соединить оробѣвшія отступающія войска. Поставивъ 7-ю дивизію передъ 2-ю, а вторую примкнувъ къ центру, онъ строитъ ихъ въ боевой порядокъ подъ огнемъ Англичанъ, и по истеченіи двухъ часовъ передъ ними является грозная линія войска, выдерживающая всѣ ихъ нападенія.

Этотъ смѣлый маневръ спасъ армію отъ совершеннаго истребленія. Генераль Клозель, атакованный на всѣхъ пунктахъ, держится на полѣ сраженія до самой ночи; почью онъ оставляетъ его, но оставляетъ въ порядкѣ и отражая всѣ нападенія непріятеля. Послѣ этого замѣчательнаго сраженія, Клозель отвелъ свою армію на Дуру. Это восмидесяти верстное отступленіе сдѣлалъ онъ въ теченіе пятнадцати дней, тогда какъ по слѣдамъ его шла армія втрое сильнѣйшая, снабженная съѣстными припасами и имѣвшая сильную артиллерію и кавалерію, — сдѣлалъ, не потерявъ ни одной пушки, ни одного ящика, не отдавъ не одного солдата въ плѣнъ непріятелю! И такъ хвала исторіи, хвала, которой надѣялся Герцогъ Рагузскій, — принадлежитъ Генералу Клозелю.

Кастель,

Эскадронный Командиръ, бывшій адъютантъ Генерала Клозеля.

ССОРА ДВУХЪ БРАТЬЕВЪ.

Однажды утромъ разнеслась молва, что Императоръ уѣхалъ въ четыре часа утра не извѣстно куда и не извѣстно зачѣмъ. Цѣлю этого таинственнаго путешествія была Италия; побудительною причиною—желаніе Императора сблизиться съ братомъ своимъ Луціаномъ, съ которымъ онъ не видался съ самой его свадьбы. Наполеонъ убѣдился наконецъ, или, лучше сказать, онъ никогда не сомнѣвался, что изъ всѣхъ его братьевъ одинъ только Луціанъ можетъ понять его и идти съ нимъ по широкому пути, имъ проложенному; но Наполеонъ зналъ также, что восторжествовать надъ Луціаномъ не легко, и рѣшился увидѣться съ нимъ. Мѣстомъ свиданія двухъ братьевъ назначена была Мантуя.

Луціанъ приѣзжаетъ около девяти часовъ вечера въ берлинъ вмѣстѣ съ г. Руайе, родственникомъ его первой жены и графомъ Шатильономъ, своимъ другомъ.

— Не приказывайте откладывать, сказалъ Луціанъ своимъ спутникамъ, уходя къ Императору; быть можетъ, я скоро поѣду назадъ.

Подробности этого замѣчательнаго свиданія дошли до меня изъ двухъ рукъ и нисколько не противорѣчатъ другъ другу.

Наполеонъ прохаживался въ это время въ большой галлерей съ принцомъ Евгениемъ, Мюратомъ и оберъ-гофмаршаломъ. Императоръ подошелъ къ брату и дружески пожалъ ему руку. Луціанъ былъ разстроганъ. Онъ не видался съ братомъ съ Аустерлицкаго сраженія; слава Наполеона, которой онъ никогда не завидовалъ, представилась ему во всемъ ея блескѣ. Луціанъ молчалъ нѣкоторое время и потомъ сказалъ брату, что онъ считаетъ себя счастливымъ, имѣя возможность быть ему полезнымъ.

По знаку, поданному Императоромъ, Евгений, Мюратъ и оберъ-гофмаршалъ удалились изъ галлерей.

— Ну, Луціанъ, сказалъ Наполеонъ, что вы намѣрены предпринять теперь?

Луціанъ взглянулъ на брата съ удивленіемъ: онъ не думалъ ни о какихъ предпріятіяхъ.

— Я ничего не намѣренъ предпринимать, отвѣчалъ онъ. Императоръ взялъ лежавшую на кругломъ столѣ огромную карту Европы, развилъ ее и, небрежно бросивъ на столъ, сказалъ Луціану:

— Выбирайте себѣ королевство, какое вамъ вздумается; я даю вамъ слово,—слово брата и Императора, что это королевство будетъ принадлежать вамъ.... потому что Европейскіе Государи.... вы понимаете, Луціанъ?...

Онъ умолкаетъ на нѣсколько мгновеній; потомъ, выразительно взглянувъ на брата, продолжаетъ:

— Луціанъ, вы могли бы раздѣлить со мною власть, еслибъ согласились идти по пути, который я укажу вамъ, по пути, необходимому для утвержденія моей обширной и прекрасной системы. Изъ братьевъ я могу положиться только на васъ, да на Иосифа... Людовикъ упрямъ, а Иеронимъ мальчикъ: онъ вовсе безъ способностей... Итакъ всѣ мои надежды основываются на васъ однихъ... Согласны ли вы осуществить ихъ?

— Государь, отвѣчалъ Луціанъ, я долженъ предупредить Ваше Величество, что я ни сколько не измѣнился, что я все тотъ же, какимъ былъ въ 1789 и 1803 годахъ. Мнѣнія мои не перемѣнились послѣ 18 брюмера. Угодно ли вамъ продолжать, братецъ?

— Можно ли говорить подобныя вещи? сказала Наполеонъ, пожимая плечами; мнѣнія должно соображать съ обстоятельствами. Нашли вы время помышлять о вашихъ республиканскихъ утопіяхъ! Старайтесь понять мою систему; идите по пути, который я укажу вамъ, и завтра же я сдѣлаю васъ владыкою многочисленнаго народа. Я признаю жену вашу моею сестрою. Я корону ю ея вмѣстѣ съ вами. Я сдѣлаю васъ первымъ по мнѣ и возвращу вамъ всю мою прежнюю дружбу. Ну, какъ же вы думаете, братецъ? прибавилъ онъ тѣмъ ласковымъ, пріятнымъ голосомъ, — голосомъ, подобнаго которому я не слыживала, голосомъ глубоко трогаящимъ душу.

Луціанъ поблѣднѣлъ: онъ любилъ брата, онъ трепеталъ слушая Наполеона.

— Я не продаю себя, отвѣчалъ онъ наконецъ трепещущимъ голосомъ. Выслушайте меня, братецъ, ради неба, выслушайте!... Этотъ часъ важенъ въ вашей и въ моей жизни. Я не хочу быть вашимъ *префектомъ*. Если вы дадите мнѣ королевство, я буду управлять имъ по моимъ собственнымъ идеямъ и преимущественно сообразно съ его потребностями. Я не хочу, чтобы народы, которыхъ я буду главою, проклинали меня; я хочу, чтобы они были счастливы, чтобы они не были рабами, подобно Итальянцамъ. Вы сами, Государь, не должны желать найти въ нашемъ братѣ низкаго угодника, который готовъ продать кровь дѣтей своихъ за нѣсколько благосклонныхъ словъ; я говорю дѣтей, потому что народъ есть ничто иное, какъ большое семейство, ввѣренное Провидѣніемъ отеческой заботливости Государя.

Императоръ нахмурилъ брови и, гнѣвно взглянувъ на Луціана, отрывисто сказалъ ему:

— Зачѣмъ же вы пріѣхали сюда? Вы не переупрямите меня. Республика! Да вы о ней столько же заботитесь, какъ и я. Это похоже на выходку Юсифа, который вздумалъ просить меня, чтобы я не мѣшалъ ему отправлять его королевскія обязанности!

Произнося эти слова, Наполеонъ пожималъ плечами и презрительно улыбался.

— А какъ же иначе, сказалъ Луціанъ, если это необходимо для государства?

На лицѣ Наполеона изображалось сильное волненіе. Онъ началъ ходить скорыми шагами, повторяя про себя:

— Вѣчно тотъ же! вѣчно тотъ же!

Потомъ онъ быстро оборотился къ Луціану и воскликнулъ громовымъ голосомъ, топнувъ ногою по мраморному помосту галлерей:

— Еще разъ спрашиваю васъ, сударь, за чѣмъ вы приѣхали сюда? спорить что ли? Вы обязаны повиноваться мнѣ какъ отцу, какъ главѣ семейства! Клянусь вамъ, что я заставлю васъ дѣлать то, чего я хочу!

Хладнокровіе Луціана исчезло; свиданіе двухъ братьевъ, это важное свиданіе, которое должно было рѣшить судьбу Луціана и, быть можетъ, судьбу Европы, превратилось въ ссору.

— Я не подданный вашъ! воскликнулъ въ свою очередь Луціанъ; вы очень ошибаетесь, если думаете, что я буду послушно исполнять ваши приказанія... Припомните, припомните хорошенько, что я предсказывалъ вамъ когда-то въ Мальмезонѣ.

Долгое страшное молчаніе послѣдовало за этимъ взрывомъ благороднаго гнѣва.

Братья стояли одинъ предъ другимъ; ихъ разделялъ одинъ столъ, на которомъ лежала карта Европы, эта игрушка своевольнаго честолюбія Наполеона. Императоръ былъ очень блѣденъ; губы его были крѣпко сжаты; онъ бросалъ на Луціана свирѣпыя взгляды, между тѣмъ какъ фисіономія Луціана была прекрасна въ эту минуту. Молчаніе было прервано Императоромъ; онъ успѣлъ восторжествовать надъ собою и спокойно сказалъ брату:

— Вы подумаете обо всемъ, что я говорилъ вамъ. Утро вечера мудренѣе. Завтра вы будете болѣе раз-

судительны и позаботитесь о пользе Европы, если уж не хотите заботиться о своей собственной... Прощайте, братец!

Наполеонъ протянулъ ему руку, Луціанъ пожалъ ее съ чувствомъ; душа его всегда была доступна самымъ живымъ и самымъ сильнымъ ощущеніямъ....

— Прощайте, Государь! сказалъ онъ, удерживая руку брата въ своей рукѣ. Прощайте братецъ!...

— До завтра! отвѣчалъ Наполеонъ.

Луціанъ сдѣлалъ знакъ головою, какъ бы желая сказать что-то; потомъ, отворивъ дверь, опрометью выбѣжалъ изъ галлеи, сѣлъ въ свой берлинъ и въ ту же минуту выѣхалъ изъ Мантуи.

Луціанъ увидался съ Наполеономъ уже въ дни нашихъ несчастій.

Предсказаніе же, о которомъ напоминалъ Луціанъ Императору, было произнесено не задолго до учрежденія Имперіи. Наполеонъ предполагалъ тогда сдѣлать Луціана однимъ изъ самыхъ могущественныхъ своихъ намѣстниковъ и очень сердился на него за женитьбу; но Луціанъ, мечтавшій о республикѣ, въ ссорахъ съ братомъ, возникшихъ по поводу этой женитьбы, дѣлалъ ему упреки весьма колкіе. Однажды онъ упрекнулъ Наполеона въ *безчестности* и воскликнулъ въ ярости:

— Вы хотите удушить республику! За чѣмъ же дѣло стало? Душите ее!... Ищите себѣ славы и величія на трупъ ея и на трупахъ вѣрныхъ сыновъ ея... Но выслушайте, что я скажу вамъ. Имперія, которую вы основываете посредствомъ силы, существ-

вованіе которой вы будете поддерживать насиліемъ, эта имперія погибнетъ и вы сами будете раздавлены, вотъ какъ это!...

Онъ схватилъ экранъ и сломалъ его. Потомъ, какъ бы желая придать болѣе выразительности словамъ своимъ, вынулъ часы свои, бросилъ ихъ на полъ и раздавилъ ногою, повторяя:

— Да, раздавлены, какъ это!...

Герцогиня Абрантесъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ,

I.

Наполеонъ вполне, безъ развлеченія, предавался тому дѣлу, которымъ онъ занимался. Предшествовавшія занятія на это время совершенно изглаживались изъ его памяти.

Однажды, въ первыя времена консульства, явился я къ нему утромъ, для совѣщанія по одному дѣлу. Онъ былъ очень занятъ и приказалъ мнѣ придти въ другое время. Я было возразилъ, хотѣлъ было представить ему, что дѣло не терпитъ отсрочки, но онъ сказалъ мнѣ:

— Не докучайте мнѣ теперь; я не въ духѣ; въ другое время.

Черезъ нѣсколько часовъ я возвратился; онъ былъ спокоенъ. Дѣло, о которомъ я желалъ доложить ему, было разсмотрѣно имъ съ величайшимъ вниманіемъ, а, въ заключеніе, онъ съ видомъ, весьма благосклон-

нымъ, отдалъ мнѣ приказанія, необходимыя для рѣшенія этого дѣла.

II.

Въ 1805 году Императоръ, бывши въ Миланѣ, потребовалъ меня къ себѣ для составленія проекта финансоваго управленія Лигуріи; но зная, что я не сдѣлалъ привычки къ большимъ переездамъ и желая избавить меня на этотъ разъ отъ усталости, обозначилъ мнѣ въ письмѣ мѣста моихъ роздыховъ, также заботливо, какъ бы онъ сдѣлалъ это для своего роднаго сына.

По приѣздѣ въ Геную, я прилѣжно занялся дѣломъ моимъ, окончить которое я долженъ былъ въ теченіе трехъ недѣль, назначенныхъ для пребыванія Наполеона въ Миланѣ. На другой день, послѣ приѣзда, явился я къ Императору. Онъ сходилъ въ это время съ лошади, усталый, покрытый потомъ.

— Мнѣ легче будетъ дать два сраженія, сказали мнѣ Наполеонъ, чѣмъ повторить то, что я теперь сдѣлалъ.

Выѣхавъ въ три часа утра, онъ въ продолженіе девяти часовъ, во время сильнѣйшаго зноя, объѣзжалъ укрѣпленія, расположенныя на вершинахъ горъ, окружающихъ Геную.

Послѣ непродолжительнаго отдыха, онъ принялся за работу. По окончаніи доклада моего, Императору представили письма и газеты, полученныя въ это утро изъ Парижа. Императоръ взялъ одинъ номеръ этихъ газетъ, я сдѣлалъ тоже самое; при чтеніи ихъ между нами зашелъ разговоръ:

— Имперія, сказалъ я между прочимъ, сдѣлалась такъ обширна, что послѣ Вашего Величества не будетъ возможности управлять ею; впрочемъ, я знаю, что эта обширность ея есть необходимое послѣдствіе политическаго положенія нашего въ отношеніи къ Англіи.

— Я постараюсь, возразилъ Наполеонъ, чтобы послѣ меня управленіе ею не представляло большихъ затрудненій. Стыдно будетъ моему преемнику, если онъ не будетъ уметь управлять ею.

— Безъ сомнѣнія, Государь; но вѣдь и государству придется терпѣть, если преемникъ не будетъ уметь имъ править. Я гораздо болѣе беспокоился бы о судьбѣ Франціи, если бы не зналъ, что, по закону природы, долженъ умереть прежде Вашего Величества.

— Ну полно, полно! весело сказалъ мнѣ Императоръ, ущипнувъ мнѣ щеку; вы ребенокъ. Пойдемте обѣдать.

Вызывая меня въ Италію, Наполеонъ не приказалъ мнѣ брать съ собою одного изъ моихъ начальниковъ отдѣленія, который, будучи посланъ мною въ Туринъ для образованія финансоваго управленія Пиемонта, во время присоединенія этой страны къ Франціи, очень не понравился Его Величеству. Мнѣ было жаль, что этотъ чиновникъ, имѣвшій большое семейство, заслужилъ немилость Наполеона, и я ожидалъ только случая, чтобы отрекомендовать его Императору со стороны болѣе выгодной. Случай этотъ представился вечеромъ того самаго дня, въ который явился я къ Императору въ первый разъ

по приѣздѣ моемъ въ Геную; я горячо защищаль моего начальника отдѣленія; Императоръ, выслушавъ меня, сказалъ мнѣ съ улыбкою:

— Э, эхъ, мой милый, вы уже слишкомъ важнымъ считаете то, что я писалъ вамъ. Вотъ видите что, присовокунили онъ, поднося палецъ ко лбу, у меня въ головѣ есть двѣ клѣточки: въ одной помѣщается *бранчивость*, а въ другой *строгость*. Подозрѣніе, о которомъ я говорилъ, покамѣстъ еще въ первой изъ этихъ клѣточекъ.

— Но, Государь, вѣдь между этими двумя клѣточками очень не большое разстояніе: я страшусь, чтобы подозрѣніе не перешло изъ первой клѣточки во вторую, такъ что Ваше Величество и не замѣтите этого перехода.

— Нѣтъ, нѣтъ, будьте покойны; я вамъ вѣрю.

И въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого Наполеонъ никогда не говорилъ мнѣ о своихъ подозрѣніяхъ, и начальникъ отдѣленія оставался на своемъ мѣстѣ во все время существованія Имперіи; впрочемъ это не помѣшало ему печатно бранить Наполеона послѣ возстановленія Бурбоновъ, Наполеона, котораго онъ превозносилъ прежде до небесъ.

III.

Во время пребыванія Императора въ Германіи, по случаю Аустерлицкой кампаніи, я задумаль было распространить во Франціи новую систему чекана монеты, систему, весьма успѣшно приспособленную къ Парижскому монетному двору, по удобству ея предохранять работниковъ отъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ,

которымъ они прежде, находясь при машинахъ, подвергались такъ часто. Но видя, что для приведенія этого проэкта въ исполненіе требуется большое количество мѣди, я остановился.

Потомъ, читая бюллетени арміи, въ которыхъ извѣщали насъ о множествѣ пушекъ, отнятыхъ у непріятели, я вздумалъ употребить нѣсколько изъ этихъ трофеевъ для приведенія въ исполненіе моего проэкта. По возвращеніи Императора, я спѣшу явиться къ нему, и прошу въ мое распоряженіе двадцать пушекъ.

— Двадцать пушекъ! — съ удивленіемъ восклицаетъ Наполеонъ. Двадцать пушекъ!... А на что вамъ ихъ? Ужъ не хотите ли вы воевать со мною? присовокупилъ онъ съ улыбною.

— О, Государь, конечно нѣтъ, отвѣчалъ я; я хотѣлъ бы сдѣлать общимъ во Франціи употребленіе новой чеканной монеты, польза которой извѣстна Вашему Величеству. На машину эту, какъ сами изволите знать, потребуется много мѣди.

— Но, министръ, двадцать пушекъ! Вѣдь это много!

— Я думаю, что меньшимъ количествомъ обойтись будетъ не возможно. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы на новыхъ машинахъ была надпись: *сдѣланы изъ мѣди, отнятой у непріятели.*

— А! а! ласково отвѣчалъ Наполеонъ, *вы хотите воспользоваться моимъ щеславіемъ!* Такъ и быть: возьмите двадцать пушекъ. Министръ, сказалъ онъ, оборачиваясь къ Бертъе, вы прикажите выдать въ распоряженіе министра Финансовъ двадцать пушекъ, разумѣется, не годныхъ къ употребленію.

Эти машины находятся и по нынѣ въ употребленіи, только на нихъ нѣтъ подписи....

IV.

Однажды, по желанію Императора, морской министръ долженъ былъ дать балъ. Утромъ, въ день этого бала, Наполеонъ сказалъ мнѣ:

— Будьте у меня сего дня въ восемь часовъ вечера: мы займемся составленіемъ будущаго бюджета. Поработаемъ часа два. Вѣдь мы успѣемъ на балъ къ морскому министру и въ десять часовъ.

Матеріалы для составленія бюджета были сообщаемы мнѣ ежегодно моими товарищами. Императоръ просматривалъ и повѣрялъ вычисленіями всѣ требованія моихъ товарищей. Этому просмотру въ особенности подвергались требованія военнаго и морскаго министровъ, потому что расходы по этимъ министерствамъ были гораздо значительнѣе издержекъ по другимъ вѣдомствамъ.

Проекты общественныхъ работъ, производимыхъ подъ вѣденіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, были составляемы въ особенныхъ совѣтахъ, въ число членовъ которыхъ Императоръ назначалъ людей свѣдущихъ въ строительномъ искусствѣ. Самъ Императоръ присутствовалъ въ этихъ совѣтахъ и подвергалъ внимательному разсмотрѣнію статьи расходовъ для всѣхъ предстоящихъ работъ. Послѣ такого разсмотрѣнія статьи эти заносились мною въ бюджетъ, для представленія законодательному корпусу, вмѣстѣ съ отчетомъ по министерству финансовъ за каждый истекшій годъ.

Явись на назначенное свиданіе, я засталъ у Императора министра полиціи. Министръ отдавалъ Его Величеству отчетъ объ успѣхѣхъ поисковъ, сдѣланныхъ въ продолженіи предшествовавшей ночи для открытія мѣстопребыванія одного *опаснаго* чело-вѣка, не задолго предъ тѣмъ прибывшаго изъ Англии.

Полиціи удалось открыть слѣды этого «опаснаго»; при входѣ моемъ Наполеону докладывали, что полицейскій чиповникъ, прибывъ рано утромъ въ домъ, гдѣ провелъ «опасный» предшествовавшую ночь, едва не засталъ его, и нашель, что *постель*, на которой спалъ онъ, *была еще тепла*.

— Плоха ваша полиція! воскликнулъ Императоръ; не поймать чело-вѣка, ночлеги котораго открыты!... Вы должны знать, что вы отвѣчаете за меня Франціи... Министръ финансовъ, пойдете въ кабинетъ.

Мы съѣли зароботу, и въ продолженіи семи часовъ не покидали ее.

Около полуночи послышался стукъ въ дверь кабинета: это былъ пажъ, присланный Жозефиною сказать Императору, что балъ превосходенъ и что Его Величество ждуть нетерпѣливо.

— Тотчасъ, отвѣчалъ Императоръ громкимъ голо-сомъ. Скажите Императрицѣ, что я занимаюсь дѣла-ми съ министромъ финансовъ; мы скоро будемъ.

Чась спустя является новый посланный и полу-чаетъ такой же отвѣтъ.

Мы не перестаемъ работать; слышится бой ча-совъ.

— Который теперь часъ? спрашиваетъ Императоръ.

— Три часа, Государь.

— О, Боже мой! мы ужъ опоздали на балъ! Какъ вы думаете?

— Государь, теперь, въ самомъ дѣлѣ, поздно.

— Такъ пойдемъ же спать!

Потомъ, когда я уходилъ, Наполеонъ сказалъ мнѣ веселымъ тономъ:

— Многіе однакожъ думаютъ, что мы всю жизнь проводимъ въ веселостяхъ и, какъ восточные, только и дѣлаемъ, что *пдимъ бисквиты да конфекты!*... Прощайте, министръ.

Тѣ, которые хорошо знали Императора, легко замѣтятъ, что этими послѣдними словами своими, которыя съ перваго взгляда кажутся не болѣе какъ шуткою, онъ хотѣлъ вознаградить меня за небольшое мое лишеніе!

V.

Однажды, бывши въ Компіенѣ, я стоялъ съ Наполеономъ у окна, выходящаго въ паркъ. (Комната, въ которой мы тогда были, находилась въ нижнемъ этажѣ). Въ паркъ въ это время былъ Римскій Король: гувернантка его, госпожа Монтеस्कьё, замѣтивъ насъ, приказываетъ кормилицѣ поднести Короля къ Наполеону. Наполеонъ, поласкавъ сына, велитъ нести его опять въ паркъ и, по удаленіи всей этой группы, говоритъ мнѣ:

— Право, онъ былъ бы гораздо счастливѣе, если бы былъ частнымъ человекомъ и имѣлъ сто тысячъ ливровъ годоваго дохода; а въ нынѣшнемъ его со-

стояннїи, ему достанется со временемъ тяжелая ноша....

Но эта тяжелая ноша не досталась сыну Наполеона.... Несчастнїй Принцъ погибъ преждевременно, погибъ вдали отъ страны, въ которой рожденіе его было прївѣтствовано радостными восклицанїями сорока милліоновъ подданныхъ отца его. Будучи *честнымъ человекомъ*, онъ жилъ бы въ отчизнѣ своей....

VI.

Императоръ однажды сказалъ мнѣ:

— То, что вы теперь узнаете отъ меня, должно быть сохранено въ тайнѣ: я намѣренъ учредить Герцогства и придать имъ владѣнїя изъ земель, завоеванныхъ нами; я желаю, чтобы Герцоги мои были люди женатые; но надѣюсь, что вы не откажетесь жениться: я включилъ и васъ въ число будущихъ Герцоговъ; если вы хотите, я приищу для васъ жену.

— Государь, отвѣчалъ я, это новое доказательство благоволенїя вашего трогаетъ меня до глубины души; признаюсь, что мнѣ было бы прискорбно, еслибъ вы совершенно забыли меня при этомъ обстоятельстве; но считаю достаточной для себя наградой и то, что вы припомнили меня, — жениться же я не намѣренъ.

— Жалѣю, возразилъ Наполеонъ, что вы чувствуете отвращеніе къ состоянїю, столь прїятному. Даю вамъ восемь дней на размышленіе.

— Простите, Государь, если я не воспользуюсь этимъ новымъ доказательствомъ вашей благосклонности: время не переменить моихъ мыслей.

— Жаль, очень жаль, министръ.... однакожь, покаместъ молчите о моихъ намѣреніяхъ. *

Вскорѣ послѣ этого разговора, явился списокъ произведенныхъ въ Герцоги; въ этомъ списокѣ находился и я.

Въ тоже самое время я получилъ богатые помѣстья въ различныхъ покоренныхъ областяхъ. Помѣстье въ этихъ я лишился при возвращеніи Бурбоновъ, за исключеніемъ однакожь — правду надобно сказать, пяти тысячъ франковъ ежегоднаго дохода.

VII.

Графъ Лавалетъ, въ любопытныхъ запискахъ своихъ, напечатанныхъ послѣ смерти его, не совсемъ точно описываетъ то, что происходило въ совѣтѣ, созванномъ Императрицею - Правительницею въ ночи съ 29 на 30 Марта 1814 года, въ совѣтѣ, гдѣ онъ, сказать мимоходомъ, вовсе не присутствовалъ. Можно думать, что неточный рассказъ его породилъ укорины тѣхъ, которые упрекали министровъ за оставленіе столицы и за удаленіе въ Блуа.

Вотъ какъ происходило все это. Въ ночи съ 29 на 30 число Марта, Императрица - Правительница составила совѣтъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ им-

* Однакожь, нѣсколько позже, я послѣдовалъ благоразумному совѣту Наполеона, и не раскаиваюсь.

(Прим. автора).

періи, изъ министровъ, предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта и сенаторовъ для совѣщанія относительно оставленія Парижа.

При подачѣ мпѣній, многіе члены совѣта, а между прочими графы Дарю и Буле де ла Мёртъ, предсѣдатель одного изъ департаментовъ государственнаго совѣта, подробно изложили причины, по которымъ не слѣдовало оставлять столицы, и настоятельно требовали, чтобы она не была оставлена. Того же самого требовали и всѣ прочіе члены совѣта.

Почти вслѣдъ за этимъ совѣту было сообщено письмо Наполеона, который требовалъ, чтобы всѣ совѣщанія были прекращены, и чтобы Императрица съ Королемъ Римскимъ и нѣкоторыми изъ членовъ совѣта выѣхали изъ Парижа тотчасъ, когда получатъ приказанія о выѣздѣ. Приказаніе это было получено мною не ранѣе, какъ въ два часа пополудни; въ слѣдствіе его я долженъ былъ явиться къ Императрицѣ въ Рамбулье. О дальнѣйшемъ отъездѣ, въ это время, я не имѣлъ никакого свѣденія.

Въ Рамбулье я нашелъ Короля Юсифа, который извѣстилъ меня, что Императрица выѣхала въ Шартръ, что онъ послѣдуетъ за нею и что она проѣдетъ въ Блуа. Въ этомъ городѣ, куда я вскорѣ прибылъ и гдѣ при Правительницѣ находились почти всѣ министры, жили мы довольно долгое время, не получая никакихъ вѣстей ни отъ Императора, ни изъ Парижа. Первое полученное нами извѣстіе, было извѣстіе объ отреченіи Наполеона. Въ тоже самое время, одинъ изъ адъютантовъ Императора Александра возвѣстилъ Императрицѣ, что ей слѣдуетъ пере-

бхать съ Римскимъ Королемъ въ Орлеанъ. Мы послѣдовали за Ея Величествомъ и отправились въ столицу не прежде, какъ когда она извѣстила насъ, что *въ службу нашей не стоитъ болѣе надобности.*

Сдѣлавшись по необходимости частнымъ человекомъ и рѣшившись не служить болѣе, я мечталъ о будущемъ моемъ спокойствіи, какъ вдругъ, вопреки этихъ желаній, я былъ снова брошенъ въ бурное море жизни политической.

Я даже и не подозрѣвалъ возвращенія Наполеона: я узналъ о немъ вмѣстѣ со всею Франціею, то есть послѣ высадки Императора. Подробности шествія его къ Парижу мнѣ были извѣстны по однимъ общественнымъ толкамъ. Опасности, которыя, по моему мнѣнію, окружали его на каждомъ шагу, войска, которыя Бурбоны могли противопоставить ему, бѣдственное состояніе финансовъ его, все это заставляло меня думать, что онъ не избѣжитъ гибели: мысль объ этомъ терзала меня.

Императоръ, прибывъ въ Тюльери, * немедленно прислалъ за мною; я тотчасъ явился къ нему, и прошелъ въ кабинетъ его чрезъ всѣ комнаты, наполненныя людьми разнаго званія; изъ кабинета только что вышелъ архиканцлеръ; Императоръ былъ одинъ.

— О, о! мой милый, сказали мнѣ Наполеонъ, дружески протягивая мнѣ руку, вы очень перемѣнились!

— Государь, что дѣлать, отвѣчалъ я; но здоровье Вашего Величества, благодареніе Богу, нисколько не потерпѣло.

* 20 Марта 1815 года.

— Скажите-ка, вы согласны вступить въ исправленіе вашей прежней должности?

— Государь, все, что ни повелите вы, я исполню; но я желалъ бы получить другое назначеніе. Предѣлы Франціи теперь такъ стѣснены, что два министра финансовъ будутъ для нея въ тягость; а я не могу принять не себя управленіе государственнымъ казначействомъ: вы вѣроятно изволите припомнить, что я и прежде просилъ избавить меня отъ него?

— Управленіе государственнымъ казначействомъ я поручу временно Графу Молліену.

— Съ этимъ условіемъ, Государь, я повинуюсь; только осмѣлюсь напомнить Вашему Величеству, что я тружусь для пользы общественной, что я старѣю и что мнѣ скоро потребуется преемникъ.

— Я подумаю объ этомъ, даю вамъ слово, подумаю, какъ скоро мы поосвободимся отъ хлопотъ. Теперь я желаю именно отъ васъ получить свѣденіе о нынѣшнемъ состояніи финансовъ: я ничего о нихъ не знаю, а имѣю надобность въ вашей опытности. Вы приготовите отчетъ и бюджетъ для представленія палатамъ; но, предварительно, вы сообщите мнѣ предположенія ваши относительно чрезвычайныхъ мѣръ для обезпеченія успѣха войны, которую я, вѣроятно, начну, окончивъ устройство арміи. Завтра же вступите въ управленіе вашимъ министерствомъ; указъ о назначеніи вашемъ вы получите нынѣ же ночью.

Потомъ, помолчавъ съ минуту, Императоръ присо-
вокупилъ:

— Но кого мы назначимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ? Я еще не рѣшился по этому предмету.

Мнѣ пришло тогда на мысль одно сочиненіе о положеніи различныхъ Государствъ Европейскихъ, напечатанное въ 1814 году и читанное мной съ большимъ удовольствіемъ, но съ авторомъ котораго я знакомъ не былъ. Я говорилъ о немъ Императору съ похвалою. Этотъ авторъ былъ баронъ Биньонъ, бывший товарищъ мой въ палатѣ депутатовъ.

— Но, возразилъ Наполеонъ, сочиненіе его было исполнено бранчивыхъ выходокъ противъ меня.

— Если и были *кое-какѣ*, Государь, такъ онъ ничего въ сравненіи съ множествомъ похвалъ Вашему Величеству, которыми исполнено его сочиненіе.

— А у васъ, сказала Наполеонъ, улыбаясь и ущипнувъ меня за щеку, а у васъ и *кой-какихъ* не было.

Императоръ намекалъ на одно сочиненіе мое, напечатанное въ 1814 году и, безъ всякаго со стороны моей участія, персланное ему на островъ Эльбу.

Но, Государь, сказала я, я находился совершенно въ другомъ положеніи. Мнѣ слѣдовало оправдать дѣйствія чиновниковъ и мои собственныя отъ несправедливыхъ, обидныхъ нареканій.

— Подумаю о Биньонѣ, отвѣчалъ Наполеонъ.

Я простился съ Императоромъ. Проходя черезъ залы дворца, я замѣтилъ въ числѣ новыхъ поклонниковъ Наполеона, наполнявшихъ эти залы, людей, которые еще наканунѣ, а особливо въ послѣдствіи.... но я умолчу имена этихъ людей.

VIII.

Послѣ этого вступленія моего въ прежнюю мою должность, я изготовилъ отчетъ за 1813 годъ и бюджетъ на 1815; но, по событіямъ того времени, не успѣлъ сдѣлать изъ нихъ никакого употребленія.

Я имѣлъ несчастіе находиться при второмъ отреченіи Наполеона. Онъ продиктовалъ это отреченіе, въ полномъ собраніи совѣта своего, также хладнокровно, какъ диктовалъ онъ повелѣнія свои во время своего всемогущества. Только онъ болѣе заботился на этотъ разъ объ округленіи фразъ своихъ и о выборѣ выраженій. Онъ нѣсколько разъ приказывалъ читать себѣ это отреченіе и каждый разъ дѣлалъ нѣкоторыя поправки. Наконецъ онъ остался довольнымъ и приказалъ отнести этотъ актъ въ палату представителей, угрожавшую объявить Наполеона *низвергнутымъ съ престола*, если не будетъ прислано.... черезъ часъ!...

Послѣ этаго Наполеонъ удалился въ свои внутренніе покои. Мы увидѣли его снова уже вечеромъ; онъ былъ также спокоенъ, какъ и утромъ. Прощанье его было ласково и трогательно.

Я гдѣ-то читалъ, что во время переворота 1815 года, министры Императора оробѣли и весьма дурно сдѣлали, не посовѣтовавъ Наполеону, вмѣсто отвѣта на угрозу, ему сдѣланную, *объявить себя диктаторомъ*, и принять снова начальство надъ войскомъ.

Такой упрекъ болѣе чѣмъ смѣшонъ! Можно ли думать, чтобы онъ поступилъ въ это послѣднее время легкомысленно или слабо? Какъ могъ онъ надѣяться

на успѣхъ новыхъ усилій, когда видѣль, что эти усилія не найдутъ сочувствія?

Извѣстно, что передъ возвращеніемъ Императора, во Франціи готовы были вспыхнуť важныя смятенія, въ слѣдствіе ошибокъ, въ которыхъ Людовикъ XVIII столь благородно сознается въ своей Камбрейской прокламаціи, ошибокъ, сдѣланныхъ его министрами. Это неудовольствіе на дѣйствія министра Людовика XVIII всего болѣе облегчило Наполеону путь къ столицѣ.

Годень, Министръ Финансовъ во время Имперіи.

ВОСПИТАНІЕ СЫНА НАПОЛЕОНОВА.

Я былъ назначенъ гувернёромъ къ Герцогу Рейхштадтскому * въ то время, когда надзоръ за нимъ былъ ввѣренъ Графу Дитрихштейну. Товарищемъ моимъ былъ Колленъ, извѣстный въ Австріи литераторъ.

* Герцогу всегда было извѣстно его знаменитое происхожденіе. Онъ имѣлъ о своемъ родѣ такое же полное понятіе, какое почти каждый изъ насъ имѣетъ о своемъ.

Герцогъ Рейхштадтскій, изучивъ начальныя основанія языковъ, занялся изученіемъ математики. Онъ скоро понялъ ея выводы. При началѣ математическихъ уроковъ, являлась у него иногда внезапная недѣятельность, надъ которою онъ не могъ восторжествовать безъ большаго усилія: это была усталость, которой бывають подвержены существа слабыя; за то въ другое время онъ занимался съ необыкновеннымъ прилежаніемъ, съ удивительною понятливостію. Въ эти, такъ сказать, свѣтлыя минуты, умъ его удивлялъ самихъ его наставниковъ. Имѣя не больше пятнадцати лѣтъ отъ роду, Герцогъ могъ поравняться въ знаніяхъ съ нашими молодыми людьми, окончившими свое воспитаніе.

До поступленія нашего въ гувернеры къ Герцогу, его не обременяли ученьемъ, которое было бы тягостно для дѣтскихъ лѣтъ его, но старались развить умъ его посредствомъ разговоровъ, приспособленныхъ къ его понятіямъ.

Подъ непосредственнымъ начальствомъ Графини Монтеस्कьё состояли двѣ дамы, завѣдывавшія воспитаніемъ Герцога: это были госпожа Суфлô и дочь ея. Обѣ онѣ были весьма образованны и какъ нельзя лучше исполняли свои обязанности; особенно г-жа Суфлô дочь, которая, при любезности характера, была одарена живымъ воображеніемъ. Она ста-

Герцогъ говорилъ по-Италянски, по-Англійски, по-Нѣмецки и по-Французски, какъ говорятъ на этихъ языкахъ въ лучшемъ обществѣ; онъ зналъ и Польскій языкъ и даже любилъ говорить по-Польски.

Зимою и весною, онъ ежедневно прогуливался по Вѣнскимъ улицамъ, а вечеромъ являлся ко двору. Въ Пратеръ Герцогъ прогуливался въ кабриолетъ и самъ правилъ лошадыю. Герцогъ очень хорошо ѣздилъ верхомъ и любилъ верховую ѣзду, хотя она, по видимому, утомляла его. Остроты его были повторены въ лучшемъ кругу Вѣнскомъ.

На лицѣ Герцога, когда онъ чѣмъ нибудь бывалъ обрадованъ, выражалось необыкновенное чистосердечіе; но когда радость исчезала, лице юнаго Наполеона принимало на себя выраженіе какой-то важной задумчивости. Онъ любилъ Эрцгерцоговъ, своихъ двоюродныхъ братьевъ, и былъ любимъ ими взаимно. Императоръ Австрійскій некъся о немъ съ отеческою заботливостію; за то и Герцогъ Рейхштадтскій любилъ и уважалъ Императора

Особы, близкія къ Францу II, не рѣдко замѣчали, что необыкновенно простой образъ жизни Императора былъ предметомъ особеннаго вниманія сына Наполеона.

Герцогъ Рейхштадтскій не рѣдко присутствовалъ на утреннихъ аудіенціяхъ своего дѣда, но, къ несчастію, этому практи-

ралась образовать умъ своего маленькаго питомца рассказами, для него понятными, и чтеніемъ книгъ, увлекавшихъ его любопытство и служившихъ поводомъ къ распросамъ съ его стороны и непрерывнымъ поучительнымъ бесѣдамъ для наставницы. По пятому году воспитаніе Герцога было поручено гувернерамъ. Въ этомъ возрастѣ обыкновенно начинается воспитаніе Австрійскихъ принцевъ, впрочемъ, относительно этого не существуетъ опредѣленныхъ правилъ, и при началѣ воспитанія смотрятъ не на лѣта, а на состояніе умственныхъ способностей дитяти.

Герцогъ Рейхштадтскій въ это время былъ очень хорошъ собою; манеры его были пріятны и благо-

ческому изученію науки народоправленія не было суждено принести плода...

Герцогъ обыкновенно проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ Шенбрунѣ. Марія-Луиза рѣдко бывала въ этомъ дворцѣ, во дворцѣ, гдѣ дважды жила супругъ ея, послѣ побѣдъ надъ Австріею; только притязая къ августѣйшему родителю своему, она проводила некоторое время съ сыномъ своимъ, но и эти посѣщенія всегда были кратковременны. Герцогъ Рейхштадтскій, живя въ Шенбрунѣ, сверхъ уроковъ своихъ занимался садоводствомъ: садоводство есть любимое занятіе Австрійскихъ Принцевъ. Герцогъ обрабатывалъ маленькій садикъ, нѣкогда вскопанный руками, въ послѣдствіи державшими бразды правленія государственнымаго. Садоводство и верховая ѣзда были его единственными удовольствіями.

Одинъ Французъ, видѣвшій комнаты Герцога (Герцогъ въ это время прогуливался), рассказываетъ, что украшенія и мебель ихъ были очень просты. Спальня юнаго Наполеона была высока и просторна; въ ней находился столъ, завѣшенный географическими картами, полными замѣчаній самого Герцога. Въ библиотекѣ соотечественникъ нашъ видѣлъ нѣсколько томовъ также съ замѣчаніями Герцога, и замѣтилъ названіе нѣкоторыхъ

родны. Онъ говорилъ уже очень свободно и имѣлъ чистое Парижское произношеніе. Намъ восхищаль его дѣтскій, простодушный разговоръ, его справедливыя, умныя замѣчанія.

Бывая часто въ кругу, въ которомъ говорятъ по Нѣмецки, онъ долженъ былъ, такъ сказать, по неволѣ привыкнуть понимать этотъ языкъ; но онъ рѣшительно упорно отказывался, когда мы начали требовать, чтобы онъ привыкалъ произносить Нѣмецкія слова: Герцога какъ бы боялся, что его не будутъ

книгъ: это были Исторія Карла V, Робертсона; Исторія Гиббона; Монтескьё. Стѣны спальни не были украшены картинами, какъ это всегда дѣлается въ комнатахъ дворцовъ Нѣмецкихъ; подлѣ кровати Герцога онъ замѣтилъ нѣсколько гравюръ, множество хлыстиковъ и блестящихъ шпоръ. На одномъ изъ эстамповъ былъ изображенъ Бонапартъ, прогуливающийся въ окрестностяхъ Мальмезона. Этотъ эстампъ былъ снятъ съ превосходной картины Изабея, написанной во времена коюсульства. На каминѣ спальни соотечественникъ нашъ видѣлъ прекрасный бюстъ Франца II, работы Кановы. Изъ спальни Герцога былъ превосходный видъ въ садъ.

Эригерцогъ Карлъ ежегодно, 5 Мая, отправлялся съ Герцогомъ въ одну небольшую церковь Вискую, гдѣ въ память Наполеона, въ этотъ день, совершалась литургія. Мнѣ рассказывалъ очевидецъ, что во время одной обѣдни Герцогъ Рейхштадтскій былъ глубоко растроганъ. Блѣдныя щеки Принца были покрыты яркимъ румянцемъ, руки его судорожно сжимались на груди его, глаза его были наполнены слезами.... быть можетъ онъ припоминалъ тогда плѣнь отца своего....

Парижане думали, что Австрійское воспитаніе убило чувствительность Герцога, что онъ ни чего не зналъ о своемъ происхожденіи, а этотъ нечувствительный, по ихъ мнѣнію, юноша всегда бывалъ боленъ съ печали послѣ обѣдни 5 Мая!...

(Прим. Франц. издателя).

считать Французомъ, когда онъ заговорить по-Нѣмецки! Когда это отвращеніе исчезло, Герцогъ быстро изучилъ Нѣмецкій языкъ и вскорѣ началъ говорить на немъ съ особами Императорской фамиліи. Истинно было пріятно слѣдить за легкими успѣхами этого дитяти, самыя ошибки его были признаками живаго ума и даже размышленія.

Я взялся учить его читать. Онъ былъ понятливъ, но не рѣдко старался ускользнуть отъ уроковъ. Чтобы приохотить къ ученію, я приискалъ ему маленькаго товарища для занятій: это былъ Эмиль Гоберо, сынъ камеръ-лакея Маріи-Луизы. Я училъ ихъ читать обоихъ вмѣстѣ. Соревнованіе окрило прилежаніе моего августѣйшаго питомца: успѣхи Герцога были быстры.

Мы занимались тогда въ комнатахъ Маріи-Луизы и почти на глазахъ ея. Приходя къ намъ, она хвалила сына, если онъ бывалъ прилеженъ, и строго выговаривала ему, когда онъ лѣнился.

Характеръ молодаго Наполеона начиналъ раскрываться: Герцогъ былъ снисходителенъ съ низшими себя и ласковъ съ своими гувернерами; онъ исполнялъ приказанія только тогда, когда видѣлъ, что не можетъ не исполнить ихъ, и всегда пытался отговориться отъ исполненія. Вообще было замѣтно, что онъ высказывалъ не всѣ свои мысли.

Мы старались искоренить эту привычку нашего питомца, опасаясь, чтобы она не повела его къ притворству, и послѣ долгихъ стараній — успѣли. Выговоры наши онъ выслушивалъ съ твердостью; онъ былъ незлопамятенъ и всегда сознавался, что замѣ-

чанія наши были справедливы. Послѣ взаимнаго неудовольствія, иногда возникавшаго между нами, онъ, прощаясь съ нами, обыкновенно дружески подавалъ намъ руку и просилъ забыть прошлое.

Онъ былъ довольно самолюбивъ и, при малѣйшемъ замѣчаніи съ нашей стороны, старался не дѣлать вновь ошибокъ и въ особенности смѣшныхъ ошибокъ. Въ это время онъ имѣлъ не болѣе пяти лѣтъ отъ роду. Стараясь придать болѣе вѣроятія своимъ увѣреніямъ или стараясь обмануть насъ, онъ обыкновенно употреблялъ слово *Vrai*. Онъ произносилъ это слово торжественно и, при этомъ, очень граціозно поднималъ свою ручку.

Однажды, въ день рожденія Маріи-Луизы — это было 12 Декабря 1815 года — Герцогу вздумалось сказать какое нибудь привѣтствіе матери. Въ слѣдствіе этого желанія было сочинено наскоро четверостишіе; я помню его и теперь, но не припомню, кто импровизовалъ и кто записалъ его въ то время. Вотъ оно:

Autant que moi, personne, ô ma chère maman
Ne doit bénir ce jour prospère.
Vrai, ne lui dois je pas le bonheur si touchant
Et si doux à mon coeur, de vous nommer ma mère?

Когда Герцогъ выучилъ эти стихи наизусть, ему замѣтили, что слово *vrai* было употреблено въ нихъ, потому что это *vrai* было его любимымъ, всегдашнимъ словомъ. Онъ задумался. Передъ завтракомъ его повели къ Маріи-Луизѣ. Онъ бросился въ ея объятія, наговорилъ ей множество ласкостей, но никакъ не согласился прочесть четверостишія. Онъ